

Колесников Фёдор

Зоя

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Фёдор Колесников

Зоя

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Колесников Ф. Н.

Зоя / Ф. Н. Колесников — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Жизнь проходит, женщина мечтает о счастье. Казалось вот оно, руку протяни....Всегда что то мешает совершить самый важный и нужный поступок для себя любимого. А когда его все таки совершаешь, может быть уже поздно.Содержит нецензурную брань.

© Колесников Ф. Н., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Мещанство означает пить из старой облезлой кружки, когда новая в серванте стоит.

Высокое бетонное крыльцо занесено снегом. Тяжелая дверь с трудом поддается из-за сугроба. Зоя всегда приходит загодя, нужно все убрать и подготовить. Сегодня снег вот еще. Несколько минут, и сугроб легко разлетается в разные стороны. Лишь снежная взвесь еще какое то время, словно вальсируя, медленно опускается на ступени. Опираясь на лопату, она смотрит с высокого крыльца на дорогу. Город еще спит. Зима в самом разгаре, предрассветные сумерки особенно темны.

Легкой поступью по кафельному полу она идет по коридору к выключателю. Безжизненный белый свет наполняет зал, люминесцентные лампы приветливо потрескивают, радуясь очередному дню. Она идет дальше, не раздеваясь. Не смотря на отопление, в большом помещении прохладно, а деревянные окна затянуты даже не инеем, а льдом. Старые обшарпанные скамьи по обе руки от нее разошлись от постоянной сырости, изумрудная краска поблекла и местами облупилась. Кажется, что они попали сюда прямо со страниц сказок Чуковского и вот-вот бросятся в пляс, распевая песни про Мойдодыра. При ярком свете все это выглядит уныло и нелепо.

Следующий зал еще больше. Тут нет окон, и лампы дневного света на потолке едва освещают его. В воздухе пахнет сыростью, с высокого потолка падают капли влаги, не исчезающий в любое время года конденсат. На потолке в углу зияет чернотой огромное отверстие вентиляции. Ощущение, что ты оказался в подвале средневекового замка. Глаза Зои постепенно привыкают к изменившемуся освещению, и она начинает свой ежедневный «ритуал».

Из года в год с неустанной монотонностью она проходит сюда выполнять свою работу, вспоминая лишь иногда, что мечтала о чем-то раньше. В голове роятся неоформленные мысли, словно мотыльки, бьются о лампу. Жизнь проходит своим чередом и каждый день похож на предыдущий, отличающийся лишь временем года. Менять она в жизни ничего не меняет. То ли из-за лени, то ли из-за боязни провала, а может в силу привычки. Иногда Зою как будто все устраивает, а изредка, как сейчас, обернется на прожитые годы и не знает, что она вообще тут делает.

На гранитных скамейках нужно расставить тазы, открыть краны, что б сбежала холодная и прибраться в парной. Парная маленькая комната без окон, с огромной каменкой посередине, вдоль стен высокий пол с лестницей, на котором стоять можно только согнувшись, либо сесть на маленькую скамейку. Кругом листья от веников, забытые рукавицы и шапки. Привычными движениями Зоя делает свою работу и идет будить Сергея.

Он и сторож, и сантехник, и электрик. В общем, выполняет всю мужскую работу, если не в запое. Когда то у него было двое детей, маленький дом в три окошка с огородом. Уважаемый человек, прораб. Пил он не больше других, наверное, как любой мужик на стройке, и жену вроде бы бил не слишком часто. Только позабыл, как так вышло, что здесь оказался. Сейчас живет здесь же в подвале, после того как жена выгнала из дома, здесь же и пьет.

Во дворе спуск в подвал банно-прачечного комплекса, слишком громкое название для муниципального учреждения на окраине города в неблагополучном районе. Маленькая железная дверь и лестница, уходящая резко вниз. Дверь плотно не закрывается из-за снежных заносов, на ступенях устойчивая наледь, превратившая их в опаснейший спуск. Лед местами пожелтел, Сергей тут же и испражняется. Внизу спуска площадка и еще одна железная дверь, тоже открыта. В подвале темно, душно и сыро, как в тропиках. Зоя шарит рукой вдоль стены, на удивление выключатели работают. По всему подвалу начинают потрескивать лампы. Она идет по узкому коридору в большой зал котельной, тут жарко, кислый запах вчерашнего пива, штукатурка в морщинах трещин. Комната Сергея через зал в углу.

Здесь света нет, загадочный полумрак. Топчан и тумбочка, все убранство. К запаху перегара добавляется не выветриваемый пряный запах пота и Беломора. Серега спит на полу,

фуфайка на голое тело, трусы из обрезков старых портьер, которые сама Зоя ему и шила, и резиновые сапоги. И грустно и смешно, сколько таких вот замерзло по округе, типичный образ местного мужика. Руки и лицо в угле и мазуте, грязь настолько въелась, что он похож на далматинца.

– Серега, вставай! – тормошит его Зоя. – Что за скотина на мою голову!

В ответ только храп. Наконец в углу женщина замечает еще одного мужика, рядом пара пустых бутылок из-под водки, значит не скоро проснется. Зарплату уже два месяца не платят, на что пьет не понятно. Понуро она идет в основной зал котельной переключать тумблеры, открывать вентили, в общем, запускать рабочую смену. В трубах радостно заурчал пар, загудел электрический ток, включились тэны парного отделения. Старые трубы дрожат, словно от волнения, оборудование все проржавело, провода в изолянте, отовсюду капает и искрит. Словно в замке сумасшедшего ученого, того и гляди раздастся зловещий смех и безымянный монстр восстанет. Зою передергивает от излишнего воображения. Вроде все заработало сегодня без происшествий, можно идти наверх.

До начала работы еще больше двух часов, теперь можно спокойно попить чай или повязать. Дома некогда, ребенок, сестра-инвалид, взбалмошная мать и не устроенный быт. Может и любит она свою работу именно из-за этого, что можно спокойно посидеть, допить всю кружку горячего чая разом, а не впопыхах залпом проглатывать обжигающий кипяток или через полдня возвращаться к остывшему напитку. А может, потому что больше делать ничего не умеет. Наверное, боится она перемен, боится ответственности, так воспитали ее и всех ее знакомых.

Когда Зое было семнадцать, она хотела поступить в танцевальное училище. Это была мечта ее детства, но мать с высоты жизненного опыта рассудила, что танцульки это для проституток, а ее дочурке нужна рабочая профессия, что б кусок хлеба зарабатывать, а не ногами дрыгать, тем более что после ухода отца им помощь нужна финансовая». Зоя училась средненько, поэтому и поступила только в ненавистный кулинарный техникум. Как же она ненавидела все эти кастрюли, раскаленную плиту и бесконечные тарелки, смены по двенадцать часов, мерзкого главного технолога в столовой, где она потом работала, который лапал всех девок, а потом трахал самых сговорчивых из них в погребке на мешках с картошкой. А дома мать заставляла воровать продукты и кричала на нее, если девушка ничего не приносила с работы домой. В таком аду она прожила лет десять, высокая статная девушка с римским профилем и высокой грудью иссохла от постоянной жары на кухне, ноги покрылись выпуклыми синими венами. Ни доброго слова, ни мужского плеча поддержки. Мать превратилась в бытового тирана дома и вымещала на Зое всю свою злобу, добавив к обычным укорам еще и выволочки за то, что «в девках засиделась». Маму тоже, наверное, можно было понять, младшая дочь инвалид детства с синдромом Дауна. Муж пил еще, когда Зоя была маленькой, а когда родилась Дарья, запил сильнее и вскоре ушел из дома в неизвестном направлении. Злые языки соседок поговаривали, что Зойкина мать упрятала его в психушку и теперь получает две пенсии по инвалидности. Неслыханное богатство по местным меркам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.